

УДК 94(47)

КУРМЫШСКИЕ СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ-МУСУЛЬМАНЕ И ИХ СОПРИКОСНОВЕНИЕ С ПРАВОСЛАВНЫМ МИРОМ (КОНЕЦ XVI – СЕРЕДИНА XVII ВВ.)

© 2016 г. О.Н. Сенюткина, Ю.Н. Гусева

Служилые татары Нижегородчины вписались в историю российского мира как его неотъемлемая часть. Они в течение XVI–XVII вв. показали себя как достойные защитники границ Российского государства. В процессе вхождения в российское сообщество были и трудности адаптации и сложности соприкосновений с окружающим миром, иным по конфессиональной и этнической принадлежности. Один из исторических эпизодов – конфликт по поводу поземельных отношений между Нижегородским Печерским монастырем и курмышскими служилыми татарами, а также выход из него – стал предметом рассмотрения авторов статьи. Для анализа в научный оборот введены новые источники.

Ключевые слова: курмышские служилые татары, Нижегородский Печерский монастырь, писцовые книги, жалованные грамоты, челобитные, этноконфессиональные взаимодействия.

Вступление

Цель статьи – показать, какими, в историческом ключе, могли быть по характеру этноконфессиональные соприкосновения и взаимодействия на конкретном примере истории курмышских земель Нижегородчины. Исследование наиболее значимых вех в истории служилых татар этого региона невозможно без анализа поземельных отношений – поскольку речь идет о периоде с конца XVI в. до середины XVII столетия, когда в российской экономике доминировали аграрные отношения, и одной из важнейших ценностей являлась земля как источник жизни и обогащения. Актуальность обращения к этой тематике определяется необходимостью выявления закономерностей развития татарского народа в рамках истории российского общества. В современных условиях указанный сюжет актуализируется необходимостью изучения межэтноконфессиональных отношений внутри российского мира.

По сути, то словосочетание, которое мы используем сегодня: «нижегородские служилые татары», включает в себя арзамасских, алатырских и курмышских татар соответственно названиям существовавших с конца XVI века уездов.

Это те социальные группы, которые имеют и свое историческое начало, и свой исторический конец, то есть мы можем использовать понятие «нижегородские служилые татары» применительно к некоему историческому явлению, оставившему след в жизни страны и, в частности, Нижегородского региона.

История нижегородских служилых татар нашла отражение в ряде работ общего характера (Орлов, 1992; Сенюткин и др., 1998; Сенюткин, 2001; Сенюткина, Гусева, 2005; Хайретдинов, 2015), а также в некоторых специальных трудах, посвященных истории отдельных татарских деревень (Сенюткин и др., 2001; Сенюткин, 2006; Сенюткина, 2010).

Тем не менее, тема отнюдь не исчерпана, а источниковый материал не введен в научный оборот в достаточных масштабах.

Истоки тех групп военных людей, которые с конца XVI столетия верстались на Мещере и отправлялись служить на юг и юго-восток Нижегородчины для охраны государственной границы, относятся к доордынским и ордынским временам и связаны с перемещением в центральные земли Восточно-Европейской равнины отдельных небольших коллективов тюрок в период кризисных ситуаций в Степи.

Движение отрядов служилых татар с конца XVI столетия на нижегородскую землю детально исследовано историком С.Б.Сенюткиным. Вектор движения выявлен совершенно определенно по линии: от Кадома и Темникова до юго-восточной границы современной Нижегородской области, то есть с запада на восток (Сенюткин, 2001). Каждая волна земельных наделений подробно изучена. Первая группа служилых татар, закрепившаяся на время и не удержавшаяся надолго на нижегородских землях, именовалась арзамасской по названию центра уезда, сформировавшегося в 1560

году – Арзамас. Далее шло расселение на земли формирующихся уездов – Курмышского и Алатырского.

Социокультурное пространство, которое мы рассмотрим в данной статье, представляет научный интерес постольку, поскольку в его рамках исторически развернулось некое межэтноконфессиональное соприкосновение, позволяющее обогатить картину взаимодействий разных этносов и конфессий российского мира. Речь пойдет о курмышских землях. Реконструировать указанное пространство и изучать особенности землевладения на его территориях можно вполне достоверно на материалах, отложившихся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), а также привлекая часть документов, опубликованных в свое время Нижегородской государственной ученой архивной комиссией (НГУАК).

Анализ источников показывает, что на курмышской земле произошло соприкосновение православия и ислама, татар и русских, в результате чего образовалась часть того пограничья, которое условно именуют исламо-христианским. Мы рассмотрим историческую ситуацию некоего конфликта, в котором участвовали, с одной стороны, служилые (военные) люди, с другой – монахи, тоже служащие Отечеству, но не с оружием в руках, а на ниве веры, религии и духовности.

Предпосылки конфликта

Нижегородский Печерский монастырь, существующий и поныне, ведет свое начало с рубежа 20–30-х гг. XIV столетия. К интересующему нас времени – XVI–XVII вв. – это был и видный духовный центр Нижегородчины, и крупный собственник земель. Монастырю жертвовались не только деньги, но и земли, охотничьи, бортные, рыболовные угодья. Богатые православные делали вклады на помин души в монастырскую казну.

Начало ещё одного древнейшего нижегородского монастыря, именуемого Благовещенским, датируется 1221 годом, временем основания города Нижнего Новгорода. Ему, как и Печерскому монастырю, многие светские и духовные лица даровали земельные владения. Так, великий князь Нижегородский Борис Константинович пожаловал Благовещенскому монастырю в 1393 году *«рыбные ловли и бобровые гоны по реке Сура с шестью озерами и другими прилежащими угодьями»* (Интернет-ресурс, blagovmm.ru).

Земли по реке Сура, как известно, издавна заселялись представителями разной этнической и конфессиональной принадлежности (финно-уграми, тюрками, славянами). При дисперсном расселении разных этносов, характерном для юго-востока Нижегородчины, неизбежными были контакты монахов с местным нерусским и даже неправославным населением.

Рассмотрим более подробно характер возможных этноконфессиональных контактов на примере истории Курмышского уезда XVI–XVII вв. Самые ранние отсылки по поводу курмышского пространства под названием *«Коропово и Монастырское поле»* относятся к временам правления князя Василия Дмитриевича (1371–1425), утвердившего эти земли за Нижегородским Печерским монастырем. Но на рубеже XVI–XVII веков эти земли *«в пусте много лет»*, то есть были заброшены и никто их не возделывал (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 104. Скл. 2).

Сам по себе факт утверждения земель за монастырями не удивителен, поскольку для российской цивилизации ценность экстенсива (в частности, расширения государственных владений на восток и как результат – смещение фронта), безусловно, была бесспорной. И государство поддерживало в те времена монастыри, расширявшие свои земельные владения, поскольку нуждалось в церкви как верном союзнике.

По поводу Коропова поля есть ещё один документ – свидетельство архимандрита Нижегородского Печерского монастыря Трифона в челобитной на имя царя Федора Ивановича, относящееся к 105 (1596/1597) году. В обращении сказано, что Коропово и Монастырское поле *«исстари Печерская монастырская вотчина, искони вечная земля, а не поместная»*. И далее пояснения, что эти земли (Коропово и Монастырское поля) не были отмечены в писцовых книгах потому, что превратились в заросшие пустоши (*«поросли большим лесом»*) (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 81. Скл. 1).

Можно предположить, что после челобитной архимандрит намеревался серьезно заняться подтверждением прав монастыря на землю. Но в 1597 году в эти планы вторглась природа – гигантский оползень (обвал горы, под которой располагались строения монастыря), который привел к значительным повреждениям монастырских построек – монахам было уже не до Коропова поля.

Источник, относящийся к периоду между 1628 и 1637 годами – «Список жалованной грамоты Михаила Федоровича», делает отсылку к более раннему времени и сообщает следующее. *«А в жа-*

лованной грамоте князя Василия Дмитриевича, какова дана печерскому архиепископу Игнатию написано: пожаловал князь Василий полем Запрудным и другим Короповым, а в котором году грамота писана неясно» (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 83. Скл.2). Упоминается, что эта грамота была приложена к делу о вотчинах Печерского монастыря на рубеже 1620–1630-х годов (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 80. Скл.1).

Сведения о следующих жалованных грамотах на Коропово поле также скудны. Сами они (жалованная грамота Василия III 1527 года и жалованная грамота Ивана IV 1534 года) были, по свидетельству архимандрита Рафаила, даны Нижегородскому Печерскому мужскому монастырю города Нижнего Новгорода, но не сохранились: *«крепости вотчинные все погорели от войны казанских татар и монастырь стоял пуст до казанского взятия семь лет, и в то время монастырская вотчина была вся пуста, а те крепости уцелели в Суздальском уезде в Борисоглебском монастыре»* (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 80. Скл. 2).

Если уточнять место нахождения Коропова поля, то это было сделано задолго до интереса авторов статьи к указанному пространству. Ещё когда в 106 (1597/1598) году разбирались в деле по земельному спору (*«вели обыск»*) сын боярский Яков Негоновский и подьячий Иван Стоянов, им стало ясно, что Коропово поле – единственное на всю округу и находится под Моклоковским лесом (*«нигде они инога поля Коропова и Монастырского, что под Моклоковским лесом, а, кроме того, что в Курмышском уезде нигде не знают»*). (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 104. Скл. 2).

Информацию об «обыске» Негоновского и Стоянова находим в «Грамоте из Приказа Патриаршего Дворца в Нижегородскую приказную избу об отдаче во владение монастырю по прежним жалованным грамотам Коропово поля, спорными со служилыми Моклоково», датируемую ориентировочно 1630 годом. Больше нигде поля с таким названием найдено не было, то есть речь в челобитной архимандрита Трифона и других документах идет именно о той земле, которая располагалась по берегам речки Моклоковки. Конечным результатом обыска явилось утверждение, что грамота, данная Федором Ивановичем, была подтверждением жалованных грамот Василия Дмитриевича и Ивана Васильевича.

Очевидно, что государство закрепляло за монастырями земельные угодья, а жившие на них издавна представители разных этносов и конфессий вынуждены были принимать этот процесс как данность. Вместе с тем, государство ограничивало рост церковного землевладения, что отвечало требованиям дворянства, в том числе соответствовало желаниям служилых татар. Ещё в 1572 году был принято решение, выделявшее «богатые монастыри, у которых земли много» и «бедные монастыри» (малоземельные). Вторым разрешались новые земельные приобретения. Подтверждением сказанному могут служить решения, принятые церковно-земскими соборами 1580 и 1584 годов. После Смуты, в 1622 году, правительство дало Указ о закреплении за монастырями купленных и вкладных после 1580 года вотчин, если на них не поступило челобитья о выкупе до 1612 года (Российское)

Возвратимся к сюжету о курмышских землях. Пустошами по рекам Уронге, Большой Мигиной, Моклоковке и Чёрной владели до 1612/1613 года *«дети боярские, разные помещики»*. «Выпись татарская с отказных книг Савелия Есипова на пустоши детей боярских разных помещиков 121 года» (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 625. Скл. 3) позволяет утверждать, что до 121 года (1612/1613 года) пустоши принадлежали разным владельцам. Реконструировать пространственно расположение поместий относительно друг друга позволяют документы межевания из фонда Печерского монастыря.

Известны такие имена владельцев земли как Косьбар Нестеров, Лобан Лезнев, братья Мокей и Сергей Селяниновы, Иван Игнатов, Вотеш Русальников. Названные были землевладельцами на левом берегу речки Чёрной. По правому берегу этой речки от устья впадающей в неё Моклоковки до места её собственного впадения в реку Уронгу владели землей Василий Моклоков и его дети Захарий и Григорий. Южнее их владений, ближе к левобережью речки Большой Мигиной располагались земли Тимофея Горошкова с сыновьями Тимофеем и Борисом.

Если рассмотреть, согласно источникам, правобережье реки Уронги на интересующем нас участке, то следует назвать земли Василия и Федора Киреевых, севернее этих угодий землю Протасия Рыбакова и ещё ниже по течению – земли Стромилова (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 625. Скл. 3; Д. 817. Скл. 1,2). Рядом с пустошами на границе с землями Нестерова и его соседей, а также с землями моклоковских татар издавна проживала «ядринская черемиса». Документы сохранили некоторые имена руководителей общин ядринской черемисы (например, *«Алдеяр с товарищами – оброчная земля ядринской черемисы»* или: Ладья Ростов). Их земля соседствовала с вотчиной Ни-

жегородского Благовещенского монастыря. Ещё в конце XIX века деятели НГУАК обратили внимание на то, что черемисой часто называли чувашей. Поэтому, кто был Алдейр – чувашин или мариец – сказать с большой уверенностью вряд ли возможно.

О «ядринской черемисе» мы знаем также по отсылкам на документы XVII века из «Дела экономического крестьян Нижегородской губернии Васильской округи села Спасского с деревнями помещика Суцова и других», относящегося к 1819 году. (ДНГУАК). Именно местные жители из «ядринской черемисы» помогали устанавливать правильность некоторых утраченных гидронимов, когда в этом была необходимость у чиновников, разбиравших старые межевые документы («*А черемиса сказали, что Борец-де речка, что под деревнею Маклаковою*») (ДНГУАК, с.153.)

По свидетельству 1611 года курмышский воевода Смирной Елагин отдал Коропово и Монастырское поле во владение курмышским (а именно моклоковским) татарам. Это было так: «*А как де шел Никонор Шульгин из Казани до Арзамаса и на то Смирново место велел быть на Курмыш Савину Осипову (в другом документе Сябину Есипову) и он, Савин, ту монастырскую землю... велел отдать ... татарам. А писцы Федор Шишкин и подъячий Томило Зяблов написали ту монастырскую землю за теми татарами по даче Смирнова Елагина и Савина Осипова*» (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 104. Скл. 2). Так земли оказались по распоряжению курмышского воеводы во владении татар. В результате они и получили впервые добро от чиновников на заселение в интересующем нас пространстве. На основании Выписи Есипова 121 (1612/1613) года моклоковцы получали подтверждение на владение землями и во времена Михаила Федоровича и при правлении его сына – Алексея Михайловича (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 817. Скл.1; Д. 104. Скл.2).

В челобитной во власть от Печерского монастыря 124 (1615/1616) года утверждалось, что служилый татарин Алтыш Алышев «насильственно» захватил монастырскую землю, «*искони вечную старинную монастырскую вотчину*» (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 83. Скл.1). Началось длительное противостояние по поводу земли и выяснение её законных владельцев. В противостояние втягиваются и соседи участвующих в конфликте, пытающиеся разобраться, чья же эта земля истари была по праву.

В 1612 году мы не видим в изучаемом пространстве «*детей боярских, разных помещиков*». По-видимому, в этом исчезновении повинна Смута. Например, на бывшей земле Протасия Рыбакова расположились и владеют землей «*татаровя Ишеева усаду*».

В переписи селений Подгородного стана Курмышского уезда, относящейся к 1623/1624 гг. (132/133 г.) говорится о некоем Богдановом жеребье с указанием на то, что оно было ранее («*что прежде*») (РГАДА. Л. 52.). По-видимому, что следует из краткого описания межи пустоши Ивановской, Баксаново поле же, во время создания переписи земля Богдана Моклокова (упоминается его имя с указанием не только имени Богдан, но и фамилии – Моклоков) представляла собой пустошь (Там же. Л. 53 об.). Стык татарских и русских земельных владений подтверждается при описании земель села Стромилово: «*... направо земля Василия да Федора Киреевских а налево земля Нижегородского уезду села Мигина а рекою Уронгою в деревьях до речки до Осиновки направо земля Василия да Федора Киреевых деревни Сосновки а налево земля тотарской деревни Парши*» (РГАДА... Л. 88об.).

Земли села Мигино принадлежали церкви, были вотчиной патриарха Филарета Никитича (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 104. Скл. 2). Позднее в 1626 году в документе упоминалось без указания даты некое письмо из Казанского Дворца за приписью дьяка Ивана Болотникова, в котором говорилось: «ранее село Мигино было дано в поместье Курмышским татарам Байчему Теребор Дееву с товарищи» (ДНГУАК, с. 151). Но впоследствии это письмо ставилось Печерским монастырем под сомнение.

С правом монастыря на Коропово поле решил разобраться архимандрит Печерского монастыря Иов. Сопоставление перечня архимандритов Печерского монастыря, данного без указания дат пребывания в должности (Список) и документов из фонда этого монастыря можно утверждать, что речь идет об Иове III. К 126 (1617/1618) году относится его с братию челобитная на моклоковских татар.

Царь Михаил Федорович подтвердил пожалование монастырю Коропова и Монастырского поля. Так случилось, что автор челобитной Иов был убит. «*И как де архимандрита Иова убили до смерти, и те моклоковские татаровя после ево той вотчинной монастырской землей и по сей день владеют насильством*» (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 83. Скл. 2). Монахи считали, что убийство архимандрита способствовало возможному закреплению за татарами Коропова поля, что они продолжали владеть землей, не считаясь с указом царя («сведали про убийство Иова»). Когда на место

был прислан из Нижегородской приказной избы подъячий Елисейев, моклоковские татары чуть не убили его и старожильцев («хотели побить до смерти, едва от них ушли») (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 625. Скл.1).

Сменивший Иова III архимандрит Макарий «не радел» за Коропово и Монастырское поле. Сам не бил челом государю и монахам не советовал. Из контекста источника (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д.625. Скл.2) ясно, что речь идет о Макарии I. Причины бездействия архимандрита не в противодействии татар, а в положении самого монастыря, который сначала пережил серьезные природные катаклизмы в 1597 году – монастырь был разрушен оползнем, затем последовало возобновление обители на новом месте и далее каменное строительство монастырского комплекса. Все эти проблемы отвлекали главное внимание руководителей монастыря, и ему было не до отдаленных земель типа Коропова поля.

По сути, земли моклоковских татар соседствовали не только с Короповым и Монастырским полем, на которые претендовал Печерский монастырь, но и с владениями Нижегородского Благовещенского монастыря. Со времени возобновления монастыря он стал принадлежать к Дому митрополитов Московских, а с учреждением патриаршества (в 1589 году) – именоваться «домовым Патриаршего дома монастырем», то есть стал ставропигиальным.

Как отмечали исследователи НГАУК: «В писцовых книгах 7129 (1621 год – авт.) на село Спасское с деревнями написано: «Благовещенскаго Патриаршиа монастыря сельцо, что было селище Спасское промеж речки Урги и Уронги и Черныя речки, пашни паханые, новолесные разчисти монастырские и пашут на монастырь...»». (ДНГУАК, с.150). В 1624 году на земли Спасского и соседних деревень (Турбанка, Ольховка и др.) монастырь получил льготу в податях на 7 лет по Указу царя Михаила Федоровича (Там же). Об этом же соседстве говорится в «Черновой выписи из межевых дел» второй половины XVII века (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 768. Скл. 1): «направо земли моклоковских татар, налево – Благовещенского монастыря села Мигино».

Судебное разбирательство

Конфликт достигает своей кульминации в 1630-е годы. Толчком послужила челобитная архимандрита Рафаила царю, относящаяся ориентировочно к 1628 году. В 1630 году в Нижегородскую приказную избу пришла грамота из Приказа Патриаршего Дворца. В ней утверждалось, что Коропово поле принадлежит монастырю, а моклоковские татары владеют ею по-прежнему (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 104. Скл.1). Из «Росписи спорным землям» 1636 года известно, что «... подъячему Ивану Горохову старожильцы и кто эту пустошь знает и по монастырским крепостям и по сыску и по сказке старожильцев: то Коропово и Монастырское поле в писцовых книгах Потапа Нарбекова и подъячего Ивана Горохова за монастырем написано. И по Государеву указу и по монастырским крепостям и по сыску курмышских писцов Нарбекова и Горохова велено». (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 625. Скл.1). Таким образом, в качестве подтверждения своей правоты монахи делали ссылку на писцовые книги Нарбекова и Горохова по Подгорному стану Курмышского уезда, в которых говорилось, что «Коропово и Монастырское поле на реке Моклоковке 200 четей в поле а в дву потому ж» (пашня, перелог ...) числится за монастырем (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д.625. Скл.3).

Ответчиком во время судебного разбирательства выступил Алтышка Алышев. Он от имени татар утверждал, что закона они не нарушают потому, что они полем Короповым не владеют, «а владеют они той землею, которая им дана по указу царя 121 года детей боярских, разных помещиков». Причем уточнял, что эта земля, которой они владеют, особого названия не имеет (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 83. Скл.2; Д. 625, 2 скл.).

Монастырский служака Васька Данилов представил суду прежние жалованные грамоты на Коропово и Монастырское поле и выпись из писцовых книг Нарбекова и Горохова 1617/1618 года (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д.625. Скл. 2).

Спор обостряется: с одной стороны, Печерский монастырь; с другой, курмышские татары. Для получения достоверных сведений о владельцах земель местная власть обращается к старожилам (Яким Тяпкин и др.), требуя от них соответствующих ритуалов для получения правдивой информации: православные совершали крестное целование, а «татары с мордвою и чувашами и черемисою» клялись – «по шерти» (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Ф. Д. 78. Скл.1).

В спор вторгается ещё один служилый татарин, арзамасский, беспоместный, Сюнчалеи (Челей) мурза Мустофин, который обратился к царю с челобитной. В свою очередь, челобитная царю была направлена от архиепископа Рафаила, который просил государя не верить татарскому лож-

ному челобитью на владение Короповым полем, земля принадлежит монастырю (ЦАНО.Ф. 579. Оп. 589. Д.111.Скл. 3).

Сюнчалеи владел землей в Малом и Большом Моклоково и в Новом Усаде (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 78. Скл.1), но претендовал ещё и на земли Коропова поля.

В ходе судебного разбирательства стало понятным, что бывшая земля детей боярских Горошковых, превратившаяся в пустошь, была передана группе беспоместных татар из 24 человек во главе с Кушей Нагаевым и Богданом Кудавым (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 625. Скл. 3; Д. 817. Скл.1).

Их и А.Алышева в документах именуют «старыми помещиками», то есть владевшими землей до 1612 года. Со слов Алышева, сказанных во время судебного разбирательства, земля, которой он владеет, была в распоряжении Нижегородского уезда в раздаче за детьми боярскими.

Самое старое наделение А.Алышеву с товарищами в этих местах – это дача царя Алексея Михайловича по выписи С. Есипова 121 (1612/1613) года и ввозная грамота за приписью Ивана Швырева 125 (1616/1617) года. Но в этих документах нет указаний ни на Коропово, ни на Монастырское поле.

В судебном разбирательстве оспаривалась выпись 121 (1612/1613) года из Приказа Казанского Дворца курмышским татарам Богдану Кудаву с товарищами. Эта выпись упоминается в ряде документов (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 817. Скл.2) как ложная с точки зрения монастыря. А в 129 (1620/1621) году Шишкин и Зяблов написали Коропово и Монастырское поля по даче Елагина Есипова за Алышевым и Кудавым. Там поселились крестьяне. Земля была измерена.

Интересно, что в суд прибыл для защиты позиции служилых татар – Чурай мурза Тамбактин. Он приехал непосредственно как участник боевых действий из-под Смоленска и отдал в суд (приблизительно в 1630 году) выпись 121 (1612/1613) года Есипова-Елагина.

Разбирательство усложнилось из-за того, что в спор включился помещик Василий Толстой. Дело в том, что к северу от татарских земель, граничащих с черемисами, существовали ещё пустоши Стряпково и Найденово. На эту территорию претендовали и Печерский монастырь и Толстой, правда, без соответствующих документов (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 78. Скл.1). Старожилы утверждали: «земля монастырская исстари, а владели тою землею моклоковские татары и селища на той земле не бывало» (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 106. Скл. 1).

Суд 139 (1630/1631) года завершился тем, что пустошь Коропово и Монастырское поле, по поводу которой монастырь спорил с Алтышом Алышевым и его товарищами, а также пустоши Стряпково и Найденово, которыми хотел овладеть Толстой, были отданы Печерскому монастырю (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 105. Скл.1).

Последствия разрешения конфликта

Решение суда имело значение для дальнейшего развития интересующего нас социокультурного пространства. Последующие наделения зависели от разделения земель по результатам судебного разбирательства. В 1636 году произошли два крупных наделения, зафиксированные делопроизводителями: пустошь Моклоковская, бывшие земли Алышева и Кудавеа, были отмежеваны Томбактину. Соседние – Сюнчалею мурзе. На основе созданных селений Большое Моклоково, Малое Моклоково и Нового Усада Сюнчалею мурзы Мустофина родилось современное Татарское Маклаково.

Между 1628 и 1635 годами фиксируются земли села Коропово (на месте пустоши «*Коропово и Монастырское поле*»). Появляется на карте Курмышского уезда Коропово не только как пустошь, но и как селение. Причем, в книгах письма и меры Матвея Игнатьевича Зубова и дьяка Евфимия Филатова от 144 (1635/1636) года Коропово именуется «*селом на реке Моклоковке*». По традиции, населенный пункт, имеющий церковь, считался селом. В короповской церкви Преображения Господня и Спасителя Иисуса Христа служили 4 попа и 4 дьячка. В селе насчитывалось 32 двора, население владело землей в размере 231 десятины (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д.105. Скл. 1 об.). Село Коропово стали именовать Русским Моклоково.

В XVII веке нижегородские монастыри старались четко определить границы земельных владений со своими соседями. Так, к 1631 году относится договорная запись Нижегородского Благовещенского монастыря с помещиками по реке Анде (ЦАНО. Ф. 578. Оп. 582. Д. 1 б. 2 скл.). Во второй половине XVII было проведено размежевание земель Коропово и Моклоково. В последней трети XVII столетия разделение санных покосов между Коропово и Моклоково (ЦАНО. Ф. 578. Оп. 582. Д. 772. Скл. 1).

Продолжая сюжет отстаивания прав Печерского монастыря на землю, можно вспомнить и события 1646 года, когда возник спор между архимандритом Печерского монастыря Германом и по-

мещиками Сушовыми, владевшими черемисскими землями (пустошь Раздериha). В разбирательство был втянут патриарх Московский Иосиф, который распорядился размежевать спорную землю «по жалованным грамотам и по писцовым Нижегородским Дмитрия Ладыгина с товарищи книгам» (ДНГУК, с. 153).

Земли моклаковских татар в то время уже никем не оспаривались («деревня Моклакова, владения татар» (ДНГУАК, с. 155). Ранее, в выписи 145 (1637) с писцовых книг письма и меры Матвея Зубова да подъячего Ефима Филатова 144 (1636) года, сделанной по указу Государеву и переданной курмышским татарам боярином князем Алексеем Львовым и дьяками Нечаевым и Чирковым, говорилось: «Деревня Большое Моклоково по обе стороны речки Черной, а в ней 34 человека..., пашни 944 чети с осминою и четвериком, сена меж пол 78 десятин, да по речке Моклоковке 143 десятины, в высоком поле санных покосов 170 четей...». В этом документе (выпись 1637 года) упоминалось Высокое поле, которое в результате упомянутого судебного разбирательства перешло к Печерскому монастырю, хотя ранее им владели татары: «Да в том же Высоком поле отмеряно и отмежевано от татарской земли Печерскому архимандриту с братиею от речки Малой Мигинки, Акарагузовка тож, до речки Моклоковки поперек Высокого поля 238 четей, кои в дачу деревни Моклоковой не положены» (ДНГУАК, с. 155).

Когда в конце XVIII века проходило Генеральное межевание, споры на тех землях, которые являлись «яблоком раздора» в XVII столетии снова вспыхнули. Это были земли между селом Спасским, Сушовым, Бронским Ватрасом и Моклоковым. Решение спором перешло тогда в Межевой Департамент Сената, который 17 декабря 1795 года принял решение. Он определил между селом Спасским и Сушовым «по живым урочищам писцовых книг», между Бронским Ватрасом и Моклоковой оставил без изменения так, как она выглядела до 1765 года, а «спорные земли между селом Спасским и деревней Моклоковой примежевать к последней». Решение Сената было утверждено Общим собранием Сената 13 декабря 1801 года, а затем, 27 января 1804 года, Именным Высочайшим указом.

Пожертвования монастырям частными лицами продолжались и впоследствии, новым владельцам приходилось фиксировать документально свои права на земли, дома, а в ходе развития капитализма и денежные средства (ЦАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 50. 132 л.).

Заключение

Анализ исторических источников показал, что период конца XVI–XVII столетий был временем весьма интересным с точки зрения установления определенных поземельных отношений между служилыми татарами-мусульманами и монастырями. В рамках крепнущего Московского царства происходили соприкосновения и устанавливались отношения между разными этноконфессиональными общностями.

Благодаря изучению конкретного исторического соприкосновения курмышских служилых татар и Нижегородского Печерского монастыря, проявившегося в поземельном конфликте у историков появилась возможность более глубокого изучения истоков современных деревень Русское Маклаково (Коропово) и Татарское Маклаково.

Рассмотренные события показывают роль государства как регулятора этноконфессиональных взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Действия Нижегородской губернской ученой комиссии. Т. XIV. Нижний Новгород, 1913.
2. История Благовещенского монастыря: сайт – blagovmm.ru. Доступ 01.08.2016.
3. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишари. Казань, 1992.
4. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Курмышский уезд. Стан Подгородной а в нем села и деревни и починки и пустоши. Оп. 2. Д. 227(1). 1623–1626. Л. 52–533.
5. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. М., 1984–1994. Т. 3. С. 26–31.
6. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. Нижний Новгород, 2001.
7. Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. История исламских общин Нижегородской области. Нижний Новгород, 1998.
8. Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. История татарских селений Большое и Малое Рыбушкино Нижегородской области. Нижний Новгород, 2001.
9. Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Сабиров С.В. История татарской деревни Сафаджай – Красная Горка в XV–XX веках. Нижний Новгород, 2006.

10. Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отечеству (конец XVI – начало XX вв.). Нижний Новгород, 2005.
11. Сенюткина О.Н. История Татарской Медяны (XVII–XXI вв.). Нижний Новгород, 2010.
12. Список настоятелей Вознесенского Печерского мужского монастыря. URL: http://www.pecherskiy.nne.ru/text/ob_obitely/nastoyateli/. Доступ 20.08.2016.
13. Хайретдинов Д.З. Основные аспекты бытования ислама среди нижегородских татар в XVII–XVIII вв. // Исламоведение. 2015. № 2. С. 29–37.
14. ЦАНО. Ф. 579. Нижегородский Печерский мужской монастырь. Оп. 589. Д. 78.
15. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 80.
16. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 81.
17. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 83.
18. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 104.
19. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 105.
20. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 106.
21. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 111.
22. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 208.
23. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 625.
24. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 768.
25. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 772.
26. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 817.
27. ЦАНО. Ф. 578. Нижегородский Благовещенский монастырь. Оп. 1. Д. 50.
28. ЦАНО. Ф. 578. Оп. 582. Д. 16.

Список сокращений:

ДНГУАК – Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области

O.N. Senyutkina, Ju.N. Guseva

**KURMYSH SERVING TATARS-MUSLIMS
AND THEIR CONTACT WITH THE ORTHODOX WORLD
(end of the XVI – beginning of the XVII century)**

Serving Tatars of Nizhny Novgorod region were inscribed in the Russian world history as its integral part. Over the course of XVI–XVII centuries they approved themselves as worthy defenders of Russian borders. During the integration in Russian society there were difficulties in adaptation as well as in contact with surrounding world different by its confessional and ethnic identity. One of the historical episodes – the conflict concerning land relations between Nizhny Novgorod Pechersky Monastery and Kurmysh serving Tatars, as well as the withdrawal from it – became the subject matter of the authors of the article. For the analysis new sources were introduced into scientific use.

Keywords: Kurmysh serving Tatars, Nizhny Novgorod Pechersky Monastery, cadastre books, letters patents, petition, ethnoconfessional interactions.

Сведения об авторах:

Сенюткина Ольга Николаевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, регионоведения и журналистики, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород); E-mail: senutkina@mail.ru

Гусева Юлия Николаевна – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Самарский филиал Московского городского педагогического университета (г. Самара); E-mail: j.guseva@mail.ru

Senyutkina Olga Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Regional Studies and Journalism, Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod).

Guseva Juliya Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director for Science, Samara branch of Moscow city Pedagogical University (Samara).